

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Запретная
СВЯЗЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник Алексей Дурасов

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Запретная связь / Геннадий Сорокин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-223695-2

1978 год. В женском общежитии сибирского комбината «Химволокно» царят нешуточные страсти. Ссоры, любовные интриги, мертвые человеческие зародыши, закопанные в лесу... Но настоящая беда случается, когда на лестничной клетке находят мертвым инспектора уголовного розыска Алексева, курировавшего это заведение. По данным экспертизы, смерть наступила от острой почечной недостаточности, вызванной сильными лекарствами. Инспектор Иван Абрамов уверен: кто-то свел с Алексеевым счеты. Никто из оперативников не догадывался, что это всего лишь случайный эпизод в цепи предстоящих жутких происшествий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223695-2

© Сорокин Г.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

В кабинете было накурено. Табачный дым голубоватыми слоями висел между столами инспекторов уголовного розыска, вздрагивал при открытии дверей, постепенно двигался в сторону окна и неспешно выплывал на улицу, в теплый августовский день.

— Вы меня отравить вздумали? — воскликнул, войдя в кабинет, Иван Абрамов. — Сколько раз говорил: проветрите перед моим приходом помещение. Дышать же нечем!

Как атомный ледокол, крушащий неокрепший прибрежный лед, Иван рассек слои дыма, распахнул окно. Свежий воздух ворвался в кабинет, и вместе с ним влетел первый осенний ярко-желтый березовый листочек. Если бы Абрамов был философом, то он бы увидел в этом листочке послание матери-природы о бренности существования всего живого на земле, о неминуемой старости, которая отодвинет все сегодняшние проблемы на второй план. Иван учебник философии в руках не держал и в рассуждения на абстрактные темы никогда не пускался. Увидев лист, он подумал, что с ним делать: выбросить в окно или отправить в урну для бумаг? Решение принять не успел. На столе зазвонил телефон.

— Уголовный розыск! — за всех сразу представился Абрамов.

— Иван, ты вернулся? — обрадованно спросил дежурный по Машиностроительному РОВД. — Отлично! Ты-то мне и нужен. Собирайся, поедешь на зародыша.

— Чего? — взревел Абрамов. — Какого черта я на него должен выезжать? Кто сегодня дежурит от уголовного розыска? Прохоров? Вот пусть он и едет!

— Ты мне здесь права не качай! Понял? — повысил голос дежурный. — Здесь тебе не Кировский райотдел. У нас закон простой: я велел, а ты поехал. Какое сегодня число, помнишь? Сегодня на заводе «Химпром» аванс выдают. Как смена закончится, так в районе бардак наступит, а ты мне предлагаешь оперативную группу на какого-то зародыша отправлять? Девичья роща — твой участок, тебе и ехать.

Абрамов с ненавистью бросил трубку на рычаг, глухо выругался.

— Что, Ваня, не хочешь с новым зародышем познакомиться? — ехидно спросил сосед по кабинету Ярослав Филин. — Надо, друг мой, надо! Зародыша одного оставлять нельзя — толпа соберется, пересуды пойдут.

— Да пошел ты! — огрызнулся Абрамов, забрал со стола дежурную папку и спустился вниз.

Иван работал в Машиностроительном отделе милиции всего второй месяц, и за этот короткий срок он уже успел съездить на зародыша — только начинающего формироваться человека, принудитель-

ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

но покинувшего лоно матери задолго до окончания срока беременности.

— Лучше бы я на пять убийств съездил! — сказал после работы Иван жене. — Ничего более отвратительного я в своей жизни не видел. Меня от вида этого зародыша вырвало прямо на месте происшествия.

Зародыш словно услышал Абрамова и стал мстить — сниться по ночам. В кошмарных снах он скалил зубы, пытался укусить Абрамова за палец, ползал по его телу. Через неделю кошмары прошли, — и на тебе, судьба подготовила новое испытание в том же месте с тем же составом участников.

— Запоминай! — совершенно спокойным голосом сказал Абрамову дежурный. — Зародыша нашли местные пацаны. На их крики прибежала работница с «Химволокна». Увидела зародыша, вернулась в общежитие, с вахты вызвала милицию. Я направил для проверки наряд патрульно-постовой службы. Сигнал подтвердился. Сейчас около зародыша собралась толпа любопытствующих. Место происшествия охраняет наряд милиции. Участковый уже на месте, берет объяснения с живущих в общежитии. До Девичьей рощи я дам тебе дежурный автомобиль. Машина тебя ждать не будет, мне она сегодня самому нужна. С транспортом в обратном направлении ориентируешься на месте. Позвонишь с вахты, и я пошлю за тобой или экипаж вневедомственной охраны, или автомобиль ГАИ. На дежурку не рассчитывай. Я не могу оставить без транспорта опергруппу. Обстанов-

ка в районе сегодня вечером будет сложная. На заводе «Химпром» возводят новый корпус. На стройке по-сменно работают шесть комсомольско-молодежных бригад. Песню «Каховка, Каховка, родная винтовка» знаешь? Так вот, те времена прошли. У нынешних комсомольцев-добровольцев не ратные подвиги на уме, а только водка, бабы и еще раз бабы. Прикинь: шесть бригад молодых мужиков получают аванс. Что они будут делать, куда пойдут? Дай бог, чтобы сегодня массовой драки не произошло, как в прошлом месяце. Так что, Ваня, забирай беби-бокс и дуй в Девичью рощу!

Беби-боксом в РОВД называли плотный полиэтиленовый пакет из-под импортного измерительного прибора. Принес его участковый, обслуживающий территорию машиностроительного завода «Красный октябрь».

— Держи! — сказал он дежурному. — Теперь будет в чем зародышей в отдел доставлять.

Название «беби-бокс» появилось спонтанно. Оно состояло из двух частей. Беби с английского переводилось как «малышка», а бокс — как «ящик». Правильнее предмет для транспортировки зародышей следовало бы назвать беби-пакет или беби-мешок, но как по-английски будет пакет или мешок, в отделе никто не знал, а слово «бокс» многие помнили со школьных времен. Беби-бокс был ценной вещью. После того как в нем доставляли зародыша в отдел судебно-медицинских экспертиз, пакет всегда возвращался на место, в дежурную часть. Там его мыли,

ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

сушили и готовили к новому использованию. Беби-бокс был вместительным пакетом. В него могла бы войти булка хлеба, и свободной пленки осталось бы еще на один оборот вокруг поклажи. Естественно, с хлебом в отделе никто не экспериментировал, но по объему беби-бокса можно было догадаться, что в него поместится, а что нет. С места происшествия до отдела беби-бокс доставляли кто как: кто в просторном портфеле, а кто-то просто нес в руках.

Водителем дежурного «уазика» в этот день был Степанов, молодой человек, всего год назад вернувшийся из армии. Как и все водители, инспекторов уголовного розыска он звал по отчеству независимо от возраста собеседника. Абрамов был единственным исключением. Его водитель звал по имени, чтобы подчеркнуть, что тридцатилетний Иван Абрамов — новичок в отделе, а он, Степанов, уже год крутит баранку. Ивану было безразлично, как к нему обращается безусый юнец: поначалу не до того было, а потом привык.

— Время и место появления зародышей вычислить невозможно, — авторитетно заявил Степанов, выруливая на дорогу. — Иной раз за месяц ни одного, а иногда бабы как с цепи сорвутся и каждую неделю по зародышу подкидывают.

— Сколько их всего за год поднимают? — спросил Абрамов.

— Тут вот какое дело: поднимают зародышей только с апреля и до первого снега. Тех, что выбрасывают зимой, мыши под снегом съедают. К весне от

них даже косточек не остается. Ну, пацаны помогают! Сейчас еще каникулы, они по роще носятся и зародышей находят. Как в школу пойдут, так им не до развлечений станет.

Около Девичьей рощи Степанов остановился.

— Тебе туда! — указал он в глубь березового массива. — Иди прямо по тропинке. Увидишь толпу на полянке — это и есть место происшествия. О, вот еще что! У меня авоська в салоне завалялась. Возьми, всё не в руках беби-бокс нести.

Абрамов искренне поблагодарил водителя. Всю дорогу он мучительно думал, как понесет зародыша, и вот оно, решение проблемы — сетчатая сумка-авоська, с которой хозяйки ходят по магазинам.

«Надо бы эту авоську не выбрасывать, а в кабинете оставить», — подумал Абрамов и пошел по извилистой, хорошо утоптанной тропинке в глубь рощи.

Одним из пацанов, нашедших зародыша в этот день, был ученик третьего класса Олег. Спустя четыре года его родители переехали в другой район областного центра, и Олег рассказывал новым друзьям:

— Я тогда жил в Новой колонии. Новая колония — это не бывшая зона, а поселок, в котором жили иностранные рабочие, съехавшиеся со всего света помогать советской власти с индустриализацией народного хозяйства. В начале 1930-х годов они разъехались по домам, а название у поселка осталось. С развлечениями у нас было негусто. Играли в войнушку на стройке, в прятки, в догоняшки,

ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

в палки-банки. Летом главным развлечением был поиск зародышей.

Олег объяснил друзьям, кто такой зародыш и как он выглядит. Пацаны были в шоке, а рассказчик, гордый произведенным эффектом, продолжил:

— Зародышей обычно находили недалеко от тропинок в березовой роще. Мы вставали цепью, человека по три с каждой стороны тропинки, и шли через всю рощу от общежитий к трамвайной остановке. Обычно ничего не находили, но иногда везло. Тот, кто первым увидел зародыша, орал дурным голосом: «А-а-а!» — и все сбегались к нему. Зародыш, он страшный, на него жутко смотреть, так что с собой малышня мы не брали. В рощу шли только проверенные пацаны и обязательно только те, кто умел быстро бегать и не боялся боли, не был плаксою. Посмотрев на зародыша, мы находили палочку и начинали его переворачивать. Тут в напряженной тишине кто-нибудь обязательно неожиданно вопил: «А-а-а!» — и все бросались врассыпную. Потом опять сходились, и тут обычно появлялись взрослые. Если к нам выходил мужик, то он ловил первого попавшего под руку пацана и начинал ему выкручивать ухо: «Я тебе покажу, сукин сын, как зародышей искать!» В этот момент надо было резко присесть, вырваться из его рук и дать деру. Если повезет, то убежишь с немного опухшим и покрасневшим ухом, а если нет, то вернешься домой с ушами как у Чебурашки, и будешь изворачиваться, выдумывать, почему у тебя уши в пельмени превратились. Я как-то пришел

с опухшим ухом, ни в чем не признался, но папаня мне все равно ремня дал, так как понял, что я где-то нашкодил и был наказан незнакомыми людьми за хулиганское поведение. Иногда мужики никого не ловили, а просто пинали со всей силы под зад пацана, который ближе стоял, и мы все с воплями убежали. Словом, всяко было! Если к зародышу выходила женщина, то она начинала нас стыдить, грозилась, что все родителям расскажет и в школу сообщит. Спрашивается, нас-то за что стыдить? Мы-то к зародышам отношения не имели. Потом приезжала милиция, но мы к этому времени уже были в своем дворе, пугали девчонок рассказами о том, что зародыш шевелился и мог укусить. Славное было время, есть что вспомнить!

2

Местом происшествия была полянка в паре метров от широкой тропы, ведущей через березовую рощу от женского общежития к трамвайной остановке. Человеческий плод лежал рядом с кустом шиповника. Вокруг него столпились случайные прохожие. Они вполголоса переговаривались, обсуждая версии, откуда здесь мог появиться недоношенный человеческий плод. Патрульный милиционер стоял в трех метрах от зародыша. Абрамова он видел в первый раз — раньше по службе они не сталкивались. Иван был в гражданской одежде, но документы ему предъявлять не пришлось.

— Я из отдела, — сказал он.

Милиционер кивнул: «Понял!»

Абрамов уверенно подошел к плоду. Зародыш лежал на прошлогодней листве. Размером он был с обычную дворовую крысу. Голова плода была большой, скрюченные ручки и ножки были прижаты к телу, глаза — закрыты. По тельцу зародыша ползала большая зеленая муха, от вида которой Ивана чуть не стошнило. Приказав себе отбросить в сторону эмоции и надвигающиеся спазмы живота, он начал осмотр места происшествия. Вначале Абрамов отвел в сторону двух женщин и сообщил, что они будут понятыми. Женщины стали отнекиваться, говорить, что им надо срочно идти на остановку, но Абрамов был непреклонен: «На работу сообщу, что вы отказались исполнять законные требования сотрудника милиции!» Угроза подействовала, и женщины остались на месте. Остальные зеваки поспешили покинуть место обнаружения плода, чтобы не быть записанными в свидетели. Абрамов достал бланк осмотра места происшествия, в правом верхнем углу сделал первую запись: «23 августа 1978 года. 16 часов 35 минут».

Во время первого выезда Абрамова место обнаружения зародыша осмотр проводил инспектор ОУР Прохоров, опытный сотрудник примерно тридцати трех лет. Не привлекая внимания зевак, он объяснил Ивану особенности проведения следственных действий в роще.

— При обнаружении трупа на местности необходимо «привязать» его местонахождение к посто-

янным, хорошо заметным ориентирам. В жилом массиве это дома, трансформаторные будки, детские качели. На трассе — дорожные знаки и указатели. Здесь, в роще, ориентиров нет. Все деревья одинаковы, измерять расстояние до дороги или общежития никакой рулетки не хватит. Мы решили, что если зародыша находят в центре рощи, то будем указывать, что от него до женского общежития триста метров, а до трамвайной остановки — сорок пять. Зародыш — находка специфическая. Точное место его обнаружения никто проверять не будет, так как он на фиг никому не нужен. Он не труп. Он — никто и ничто. В юридическом плане он — часть женщины, от которой она добровольно избавилась.

Начав описывать позу зародыша, Абрамов почувствовал, что за его действиями наблюдают, но не женщины-понятые и не милиционер, а еще кто-то. Он искоса, не отрываясь от протокола, посмотрел налево и увидел, что не все любопытные разошлись. Около дерева с вырезанным на коре неприличным словом осталась стройная девушка лет двадцати пяти, одетая в короткую юбку и водолазку.

«Пусть смотрит!» — решил инспектор и продолжил работу.

Описание места происшествия уложилось на половине листа, так как описывать, собственно говоря, было нечего. По идее, Абрамов должен был измерить линейкой длину плода, но это было выше его сил. От одной мысли, что ему придется прикоснуться к за-

ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

родышу со сморщенным личиком, Абрамову становилось дурно.

Заполнив бланк осмотра, Абрамов повернулся в сторону незнакомки, встретился с ней взглядом. Девушка смутилась и ушла. Понятые, не читая, поставили под протоколом подписи и поспешили на остановку. Патрульный милиционер покинул место происшествия еще раньше. На полянке остался один Абрамов. Ему предстояло сделать самое трудное — поместить зародыша в беби-бокс. Иван осмотрелся. За его действиями никто не наблюдал, так что он мог не соблюдать неизвестно кем придуманные правила поведения на месте происшествия и действовать так, как считал нужным. Он положил пакет на землю рядом с зародышем, приподнял верхний край пленки и веточкой затолкал зародыша внутрь. Дело было сделано! Иван обернул холодное тельце зародыша пленкой, поместил сверток в авоську и пошел в общежитие, именуемое в народе Девичьим домиком. По пути ему вспомнилось, как по потемневшей коже зародыша ползала муха, и Ивана тут же стошнило. Единственное, что он успел сделать, когда почувствовал, как спазмами сводит верх живота, так это отвернуться от тропинки и извергнуть содержимое желудка в траву, а не посреди дороги.

— Какой у вас, товарищ милиционер, желудок слабый! — с нескрываемой иронией сказала девушка у него за спиной. — Я думала, что вы все сделаны из стали, а оказывается, что нет.

Абрамов сорвал лопух, вытер брызги с ботинок. Достал носовой платок, отер губы и только тогда повернулся к девушке. Конечно же, это была та самая незнакомка, которая с нескрываемым интересом наблюдала за его действиями во время осмотра места происшествия.

— Документы при себе есть? — спросил он.

— Нет, конечно! — удивилась странному вопросу незнакомка. — Какие документы, зачем? Вы меня в чем-то подозреваете?

— Как вас зовут, где живете и где работаете?

Девушка представилась. Абрамов ей не поверил. Накопленный в уголовном розыске опыт подсказывал, что незнакомка лжет. Просто так врет, на всякий случай.

— Значит, документов с собой нет? — повторил он вопрос. — Что же, придется провести личный обыск.

— Вы не посмеете меня обшаривать, — растерялась девушка.

По решительному виду инспектора она поняла, что он не шутит и сейчас начнет ощупывать ее в поисках незаконных предметов и документов. Звать на помощь было бесполезно. На тропинке, ведущей к общежитию, они были одни, к тому же у милиционера — власть, что хочет, то и будет делать. Иван посмотрел в красивые серые глаза незнакомки и хмыкнул, довольный тем, что сбил с нее ехидную спесь.

— Я не гестаповец, под одеждой потными руками шарить не буду, — заверил он, — а вот сумочку проверю! Что там у нас лежит?

ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

— Не надо, — попросила девушка, — я сама до-
стану.

Незнакомка поискала в сумочке и протянула ин-
спектору пропуск на завод «Химволокно».

— Так-то лучше! — похвалил Абрамов.

Он поставил авоську с зародышем на траву, взял
документ и прочитал вслух таким тоном, словно с са-
мого начала догадался, кто стоит перед ним:

— Анастасия Сергеевна Журавлева!

Девушка окончательно смутилась. Она не знала,
как ей реагировать на поведение инспектора и что ее
будет ждать дальше.

— Что же вы, Анастасия Сергеевна, наше зна-
комство начали со лжи? Я ведь мог вас доставить
в РОВД для выяснения личности. Вы странно вели
себя на месте происшествия. Вначале наблюдали за
мной, потом пошли на остановку, а в итоге оказа-
лись у меня за спиной. Ребенок в пакете, часом, не
ваш?

— Какой ребенок? — поразилась Журавлева. —
Зародыш, что ли?

— Потрудитесь точно и ясно отвечать на мои
вопросы, а не давать оценку состояния обнару-
женного человеческого плода. Это ваш ребенок
или нет?

Последние слова Абрамов произнес с угрозой
в голосе, чтобы Журавлева поняла, что разговор на
тропинке может закончиться предъявлением обви-
нения. Какого? Не важно! Как говорится, был бы че-
ловек, а статья найдется.